

Да и ладно, раз ему уже лучше, не хочет пить — и не надо. В конце концов, это лекарство не ядовитое, ну, горчит немного, и что с того? Пей!

Ли Юэбай, не обращая внимания на изумление юного евнуха, взял чашу и осушил её одним махом.

Вскоре после того, как он выпил отвар, он пожалел об этом.

Дело было даже не в горечи, а в том, что это лекарство... кажется, было афродизиаком!

4. Музыкант из Шанцзина (IV)

Дин Сянь, почуяв неладное, поспешно отклонялся.

Ли Юэбай чувствовал, как лицо его пылает, тело охватывает жар, а сердце колотится с пугающей силой.

Если бы всё шло по канонам типичного интернет-романа, сейчас бы началось нечто невыразимое!

Однако ничего не произошло.

Мужун Нань просто сидел рядом и смотрел на него с улыбкой.

Этот несносный мальчишка наверняка заранее знал о побочном эффекте лекарства и намеренно ждал, когда он опозорится.

Учитель Бай, имевший за плечами многолетний опыт борьбы с хитроумными учениками, быстро пришел к такому выводу.

Нет, так нельзя, я ни за что не поддамся власти этого зелья!

Учитель Бай, собрав всю свою силу воли, сел в позу лотоса, закрыл глаза и начал мысленно читать сутры. Он перебрал всё: от буддийских трактатов и даосских канонов до христианской Библии — читал всё, что мог вспомнить, даже научную концепцию развития повторил. Только после этого он почувствовал, что немного усмирил внутренние порывы.

Если не помогает, нужно думать о сюжете! Вспомнить, как именно он должен умереть! Не верится, что это не поможет!

Согласно оригиналу, дальше следует сцена Игры на цитре посреди снега.

Сейчас разгар зимы. Мелодия цитры в исполнении Юнь Вэйчжи, потрясающая небеса и землю, вернула наследного принца с того света — об этом уже гулял слух по всему дворцу. На следующий день пошел чудесный снег, и Император, приняв это за доброе знамение, пришел в восторг.

Император вместе с наложницами, любуясь снегопадом, прибыл во дворец Юаньхэн и как раз застал Юнь Вэйчжи, играющего на цитре посреди снежных сугробов.

С древних времен игра на цитре лучше всего сочеталась с тремя сценами: высокими теремами, лунной ночью и снегопадом.

Юнь Вэйчжи в белых одеждах, чья музыка была чистой и холодной, доносилась сквозь снежную пелену в покои, звуча еще более пронзительно.

Все присутствующие были восхищены, и лишь одна женщина в сердце своем затаила ненависть.

Той женщиной была наложница Шань, Шань Хуэй.

Шань Хуэй происходила из семьи среднего достатка и с детства обучалась игре на цитре, приложив немало усилий. Попав во дворец, она часто слышала от Императора похвалы своим тонким пальцам и приятной музыке. Она очень гордилась собой, но сегодня, услышав игру Юнь Вэйчжи, внезапно осознала, что её собственное мастерство вульгарно, а талант посредственен — она не стояла даже одного его пальца. Огромная психологическая пропасть оказалась невыносимой. На мгновение ей показалось, что она провалилась в ледяную бездну, лицо её побледнело, а когда она пришла в себя, весь её страх превратился в ярость.

К тому же, именно музыка Юнь Вэйчжи спасла её заклятого врага — наследного принца, что лишь усилило ненависть.

С той минуты она твердо решила во что бы то ни стало избавиться от Юнь Вэйчжи.

Пока она мучительно размышляла, как это сделать, мелодия цитры стала еще печальнее и холоднее, отчего у слушателей по спине пробежал мороз.

— Ваше Величество, мне кажется, хотя эта музыка и искусна, она слишком холодна. Боюсь, если принц будет слушать её слишком долго, это повредит его здоровью, — заметила Чжаожун Сюй.

Эта Чжаожун Сюй, как и было известно, отличалась прямолинейностью, говорила не подумав и не заботилась о последствиях. Впрочем, она лишь озвучила мысли наложницы Шань.

Император тоже слегка нахмурился, но тут же из бокового флигеля дворца Юаньхэн донеслось пение придворных музыкантш, исполнявших оду: Изящная мелодия широка, но всё еще опирается на старые напевы, новые звуки следуют переменам, тонкая игра течет свободно. Легкий ветерок веет, холодный воздух парит... Вверху трогает небеса, внизу волнует духов, пять звуков сливаются воедино, движение и покой просты, великое процветает, малое примыкает; тяжелое сменяется легким, обрывается и вновь поддерживается...

Голоса музыкантш были нежными и теплыми, а содержание оды — умиротворяющим. В сочетании с игрой на цитре они словно растворили ледяной холод, царивший в музыке, — истинная гармония инь и ян, совершенный баланс движения и покоя.

Даже наложница Шань невольно восхитилась.

Императрица Сяо Вэньинь плавно вышла из бокового флигеля и с улыбкой произнесла:

— Я восхищена чистотой звуков и мастерством музыканта Юня, поэтому сочинила оду, чтобы она гармонировала с его игрой. Боюсь лишь, что вышло нескладно и я потревожила священный слух Вашего Величества.

Сяо Вэньинь происходила из знатного рода Сяо и всегда считала себя образованной дамой, обладала талантом к поэзии и тонким музыкальным вкусом. Узнав о выздоровлении принца, она была так счастлива, что решила посвятить оду игре Юнь Вэйчжи.

Император обычно не одобрял увлечение Императрицы поэзией, считая, что она ведет себя как те высокомерные ученые, что не желают подчиняться власти. Но сегодня всё было иначе: услышав, как голос Императрицы развеял ледяную атмосферу музыки, он невольно улыбнулся:

— Императрица, вы потрудились на славу.

Наложница Шань, наблюдая за этим со стороны, заметила, что Императрица никак не отреагировала на похвалу Императора, зато то и дело бросала взгляды на играющего в снегу Юнь Вэйчжи — и в её глазах читалось лишь восхищение!

С этого момента в её голове начал плестись ядовитый план.

Глава Игры на цитре посреди снега, на первый взгляд прекрасная и возвышенная, скрывала в себе глубокие подводные течения, заложившие основу грядущих бед.

Ли Юэбай облегченно выдохнул, открыл глаза и посмотрел в окно: небо постепенно темнело, падал снег.

— Ваше Высочество, нужно ли еще играть для вас? — осторожно спросил он.

Пока он обдумывал сюжет, Мужун Нань не делал ничего другого, лишь с улыбкой наблюдал за ним. Услышав вопрос, он равнодушно ответил:

— Нет.

Отлично! Ли Юэбай мысленно поставил наследному принцу десять тысяч лайков.

Но если главы с игрой на цитре не будет, то как предсказать действия злодеев? Ли Юэбай знал, что в таких делах важно действовать на опережение. Поэтому лучше всего позволить злодеям следовать их первоначальному плану.

Направить их, позволить им продолжать обвинять его в связи с Императрицей, дать им ложную надежду, а затем расставить ловушки в конце пути и победить одним махом!

Обдумав стратегию, Ли Юэбай улыбнулся:

— Из-за моей странной привычки Ваше Высочество и Императрица не виделись целую ночь. Я пока удалюсь в боковой флигель, а вы можете пригласить её к себе побеседовать.

— Тебе нельзя уходить. Оставайся здесь, никуда не смей идти, — лицо Мужун Наня помрачнело.

— Я всего лишь в боковой флигель, это совсем рядом. — Ли Юэбай указал на выход. С горем пополам ему удалось убедить этого несносного ребенка, а заодно выторговать еще несколько уступок, после чего он наконец успокоился.

Императрица, вернувшись во дворец Юаньхэн, с огромной радостью долго разговаривала с сыном, а в конце не удержалась и спросила:

— Нань-эр, где сейчас музыкант Юнь? Почему он постоянно избегает встреч со мной?

— В боковом флигеле, — ответил Мужун Нань. — Если матушка любопытствует, можете посмотреть издали, не беспокоя его.

Едва он закончил говорить, из бокового флигеля донеслись звуки цитры.

— Такое мастерство редко встретишь в мире, — вздохнула Императрица. — Я послушаюсь совета Нань-эра и просто посмотрю издали.

В сопровождении служанки она направилась во внутренний двор и через открытое окно увидела музыканта Юня: в белых одеждах, с легкой осанкой, лицо его словно изваяно из льда и снега — поистине небесное создание.

Императрица была поражена, как вдруг из флигеля выбежал юный евнух и, протянув ей письмо, сказал:

— Ваше Величество, это музыкант Юнь просил передать вам.

Переписка между женщиной и наложницами или Императрицей была в гареме под строжайшим запретом, но Сяо Вэньинь всегда питала слабость к литературе, любила обмениваться стихами и часто сама дарила их другим. К тому же, недавно восстановив статус Императрицы и видя выздоровление сына, она решила, что теперь может ни о чем не беспокоиться, и без колебаний велела служанке принять письмо.

На следующий день.

— Поздравляю Вас, Ваше Величество, слышала, что наследный принц уже совсем поправился, — с улыбкой произнесла наложница Шань. — Тот музыкант и правда обладает божественным мастерством. Интересно, что он за человек?

Услышав вопрос о музыканте Юне, Императрица невольно вспомнила о его странном поведении, её охватили сомнения, и выражение её лица стало несколько неестественным.

— О чем вы, госпожа? Императрица даже не видела лица того музыканта! — тут же с улыбкой ответила личная служанка Императрицы, Жуйи. — У него странная привычка: он не только отказывается видеть Императрицу, но вчера, когда к нему зашла Чжаожун Сюй, он тут же упал в обморок и потерял сознание.

— Говорят, великие люди всегда странные, и это правда, — рассмеялась наложница Шань. — Интересно, как его мастерство игры на цитре по сравнению с моим?

Наложница Шань всегда гордилась своим умением играть и сейчас, желая вывести побольше, не побоялась перевести тему на себя.

На лице Императрицы тут же появилась холодная усмешка, полная пренебрежения.

Императрица всегда была гордой и высокомерной, не привыкла льстить и снижать планку своего вкуса ради вежливости. Никогда не ставя мастерство наложницы Шань ни во что, она тут же ответила:

— Если твоё мастерство сравнить с вульгарной косметикой, то игра музыканта Юня — это полет бессмертного с небес.

Наложница Шань, униженная таким сравнением, затаила обиду, но внешне улыбнулась:

— В таком случае, я действительно далеко позади. Вижу, Ваше Величество безмерно восхищены музыкантом Юнем.

Императрица вспомнила вчерашнее письмо и невольно улыбнулась:

— Лицо отражает сердце, и музыка рождается из сердца.

Наложница Шань обдумала это и озвучила следующий шаг своего плана:

— Ваше Величество, завтра праздник Фонарей. Мы, сестры, планируем устроить в саду пир с любованием луной и приглашаем Вас, наследного принца и музыканта Юня принять участие!

— Пир с любованием луной? — Императрица нахмурилась. — Погода такая холодная, у вас отличный вкус!

— У нас кожа толстая, холода мы не боимся, — отшутилась наложница Шань.

— Я боюсь холода, принц только оправился от болезни, а что до музыканта Юня — у него свои странности, — сказала Императрица. — Боюсь, все мы вынуждены будем отклонить ваше любезное приглашение.

— Ничего, ничего, я не смею настаивать, лишь прошу не винить меня за беспокойство, — поспешно ответила наложница Шань. — Просто не знаю, как Вы собираетесь провести праздник? Нужна ли вам помощь?

— Принцу нужно слушать цитру и отдыхать, а я буду сочинять стихи в боковом флигеле. Вы же идите пировать, приходить с поклонами не нужно, — ответила Императрица.

— Слушаюсь, Ваше Величество, — радостно ответила наложница Шань и удалилась.

Вернувшись в свои покои, наложница Шань долго размышляла, чувствуя, что дело принимает серьезный оборот.

— Ляньсинь, как ты думаешь, между Императрицей и музыкантом Юнем... есть что-то недосказанное? — тихо спросила она, массируя виски.

— Госпожа, я наблюдала со стороны: то кажется, что что-то не так, то вроде бы и ничего особенного, — ответила Ляньсинь, разминая ноги госпоже.

— Ах ты, паршивка, сказала так, будто ничего и не сказала! — наложница Шань притворилась рассерженной и пнула Ляньсинь.

— Госпожа, это не самое главное, — Ляньсинь, получив легкий пинок, не стала просить прощения, а наоборот, улыбнулась. — Только что наши люди, внедренные к Императрице, принесли отличную весть.

— Какую?

— Музыкант Юнь передал Императрице письмо! Все евнухи и служанки видели это своими глазами! — сказала Ляньсинь.

— Какая дерзость! Впрочем, это вполне в духе Императрицы... — наложница Шань нахмурилась.

— Прочитав письмо, Императрица спрятала его в шкатулку у изголовья, — добавила Ляньсинь. — Говорят, когда она читала его, то плакала, то смеялась, выглядела очень трогательно!

— Ляньсинь, ты права, — после долгих раздумий улынулась наложница Шань. — Неважно, есть ли между ними что-то или нет, но пока это письмо у нас в руках, им не отмыться, даже если они прыгнут в Желтую реку.

5. Музыкант из Шанцзина (V)

Великий наставник династии Дуань, Чжао Нэ, человек за сорок, высокий и худощавый, с носом крючком, острым подбородком и пронзительными, как у ястреба, глазами. Губы его всегда были плотно сжаты, а когда он обдумывал дела, то машинально перебирал пальцами.

Он был известен как мастер внутренних интриг, но совершенно бессилен во внешних делах. Он никогда не совершал ратных подвигов и не предлагал стратегий для укрепления государства, зато был непревзойденным мастером в придворных махинациях и глубоко разбирался в искусстве гаремных распрей.

— Господин, господин, как нам поступить дальше? — супруга наставника, Шань Лань, была одновременно взволнована и напугана. — Сестра, то есть наложница Шань, говорит, что Императрица и музыкант Юнь обмениваются письмами. Есть неопровержимые доказательства. Сможем ли мы только этим письмом свергнуть Императрицу?

— Сложно сказать, — долго молчал Чжао Нэ. — Хотя уверенность есть процентов на семьдесят-восемьдесят, этого недостаточно.

— Эх, как кость: и не проглотить, и выбросить жалко! — вздохнула Шань Лань.

— Однако завтрашний пир с любованием луной и фонарями — отличная возможность! — взгляд Чжао Нэ стал острым, он смотрел сквозь бумагу окна на небо.

— Пир с любованием луной? — не поняла Шань Лань. — Господин, я же говорила, Императрица и принц не пойдут, там будут только наложницы!

— Именно поэтому это отличная возможность, — сказал Чжао Нэ. — Насколько мне известно, Его Величество в ту ночь будет принимать персидских послов и не появится ни на пиру, ни во дворце Юаньхэн.

— И что с того?

— Во дворце Юаньхэн останутся только Императрица и музыкант Юнь. Принц хоть и там, но всё еще прикован к постели, — Чжао Нэ хлопнул в ладоши и рассмеялся. — Разве представится еще такой шанс?

— Верно! — просияла Шань Лань. — Наложницы будут на пиру и не станут мешать, значит, Императрица и музыкант Юнь смогут предаться пороку!

— Стоит нам послать надежного человека во дворец Юаньхэн, чтобы выведать всё, как мы поймаем Императрицу с поличным. А с учетом письма, мы сможем свергнуть её одним махом! — взгляд Чжао Нэ стал жестоким.

— Но... но... а если между Императрицей и музыкантом Юнем всё чисто? — забеспокоилась Шань Лань. — Тогда даже если мы пошлем кого-то, ничего не найдем.

— Чисто или нет — не им решать.

— Но у музыканта Юня странная привычка: при виде женщин он впадает в обморок от страха!

— Он хитер, решил использовать это, чтобы отвести подозрения, — усмехнулся Чжао Нэ. — Но если мы скажем, что это лишь прикрытие для их тайной связи, то всё встанет на свои места!

— Точно! — хлопнула в ладоши Шань Лань. — У каждого свой язык, можно повернуть как угодно!

— Как только мы создадим неоспоримые улики, им не отмыться, будь у них хоть сто языков, — Чжао Нэ с усмешкой открыл замок шкатулки у изголовья и вытащил оттуда лист красной бумаги.

Дворец Юаньхэн.

— Докладываю, Императрица передала, что завтра вечером в саду будет пир, и Императрице, принцу и музыканту Юню присутствовать необязательно, они могут оставаться здесь для отдыха, — доложил юный евнух Дин Сянь.

Ли Юэбай помрачнел.

Пир с любованием луной в оригинале был очень яркой, но жестокой главой.

В оригинале в ту ночь принц всё еще часто впадал в беспамятство, Юнь Вэйчжи и Императрица находились рядом. В час ночи наложница Шань покинула пир и пришла во дворец Юаньхэн.

Она выразила почтение Императрице, поговорила о пустяках, а затем попросила удалить всех слуг и евнухов и тайно достала лист бумаги.

Бумага была красной, а буквы на ней — желто-белыми, будто с золотой пудрой. Строки были изящными, но на языке, который никто не мог распознать.

Наложница Шань сказала: — Это отрывок поэта династии У Цзыдао, который удалось скопировать. Сегодня мне посчастливилось его получить, и я подумала, что Вы, Ваше Величество, любите такие вещи, поэтому принесла его Вам.

У Цзыдао был известен своей эрудицией и знанием языков разных стран. Императрица любила поэзию и, получая новые стихи, всегда переписывала их сама. Она велела служанке взять бумагу и в свете луны внимательно осмотрела её — это была действительно редкая вещь.

Наложница Шань, довольная успехом, выпила чаю и поспешно удалилась.

Однако той же ночью она слегла, бредила, и лекари сказали, что она отравлена.

Поскольку она была на пиру, а больше никто не отравился, началось расследование. Выяснилось, что она была во дворце Юаньхэн и пила там чай.

Император, и без того подозрительный и любивший наложницу Шань, был в ярости. Он приказал провести тщательное расследование. Выяснилось, что во время встречи Императрица удалила всех слуг, поэтому никто не знал, что произошло.

Император приказал обыскать дворец Юаньхэн, и там нашли несколько листов со стихами. Почерк был Императрицы, а язык — странным и непонятным.

Ученый из павильона Лунъюань, осмотрев записи, покрылся холодным потом и задрожал.

Это была любовная поэма!

Мало того, написанная от лица женщины своему возлюбленному. Название переводилось как Ода Десяти Ароматов.

Более того, в стихах часто упоминалось имя возлюбленного, которое на языке Юэ означало Юнь!

И раз это почерк Императрицы, а музыкант Юнь жил в её дворце...

Как ни крути, это было любовное письмо Императрицы музыканту Юню.

Императрица была в ужасе:

— Я действительно это писала, но я не знаю языка Юэ, я просто переписывала! В ту ночь приходила наложница Шань и принесла красную бумагу со стихами, я лишь скопировала её!

Император, лицо которого посинело от ярости, взревел:

— Императрица! Ты твердишь, что это копия стихов, принесенных наложницей Шань. Где доказательства? Где та красная бумага?

Императрица успокоилась: она бережно хранила ту бумагу у изголовья. Но, подойдя к кровати, нашла лишь горстку пепла.

— Вчера она была здесь...

— Ты хочешь обмануть меня горсткой пепла? — Император был в ярости.

Лекари выяснили, что наложница Шань была отравлена Порошком Забвения.

Порошок Забвения, как и следовало из названия, вызывал головокружение, спутанность сознания и потерю памяти о событиях того дня.

Поэтому наложница Шань не помнила, как приходила во дворец, и настаивала, что ничего не приносила.

— Хотя она забыла, мои слуги могут подтвердить! — спорила Императрица.

— Они твои люди, разумеется, будут тебя покрывать! — гремел Император. — К тому же, говорят, что в ту ночь видели тебя и музыканта Юня наедине, а потом ты удалила всех слуг, чтобы поговорить с наложницей Шань!

<http://bllate.org/book/19096/1875414>